

НОВЫЙ ОТВЕТ НА ГЛАВНЫЙ ВОПРОС МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ:

ПОЧЕМУ ЗАПАД РАЗБОГАТЕЛ РАНЬШЕ, ЧЕМ ДРУГИЕ СТРАНЫ, И ПОЧЕМУ КИТАЙ СЕГОДНЯ ДОГОНЯЕТ ЗАПАД?¹

В.В. Попов

Резюме

В статье делается попытка по-новому интерпретировать историю увеличения разрыва в уровнях развития Запада и Юга в 1500-1950гг. и сокращения этого разрыва с середины XX века. После обсуждения двух господствующих в литературе объяснений и их недостатков предлагается новая схема. Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» – Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она также привела к повышению нормы накопления, но и к росту неравенства и снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX века, однако сумели избежать роста неравенства и ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу в результате технического прогресса в 16-19 веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки – повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности и смертности и подрыва институтов.

¹ Более подробная версия статьи на английском: Попов, 2009. [Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the “Great Divergence” and “Great Convergence” Stories. -NES/CEFIR Working paper # 132, October 2009.](#)

ABSTRACT

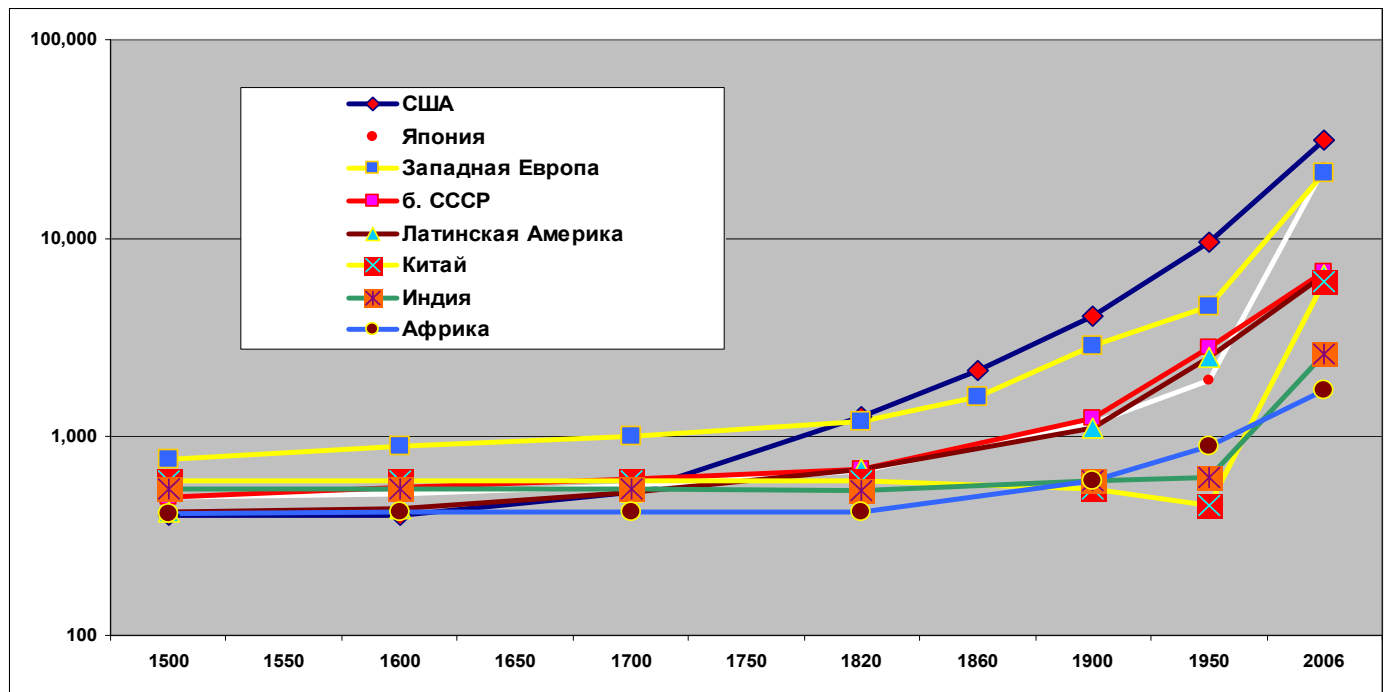
The goal of this paper is to offer a non-technical interpretation of the “Great Divergence” and “Great Convergence” stories. After reviewing existing explanations in the literature, I offer a different interpretation. Western countries exited the Malthusian trap by destroying traditional institutions, which was associated with an increase in income inequality and even a decrease in life expectancy, but allowed the redistribution of income in favor of savings and investment at the expense of consumption. When the same pattern was imposed on some developing countries (colonialism —Sub-Saharan Africa (SSA), Latin America (LA), and the Former Soviet Union (FSU)), it resulted in the destruction of traditional institutions, increase in income inequality, and worsening of starting positions for catch-up development. Other developing countries (East Asia (EA), South Asia (SA), and the Middle East and North Africa (MENA countries)) that were less affected by colonialism and managed to retain traditional institutions by the end of the twentieth century found themselves in a better starting position for modern economic growth. The slow-going technical progress finally allowed them to find another exit from the Malthusian trap—increased income that permitted the share of investment in GDP to rise without a major increase in income inequality and decrease in life expectancy.

Формулировка проблемы

500 лет назад, в 16 веке, все страны, как известно, находились на примерно одинаковом уровне развития, если измерять этот уровень ВВП на душу населения, подушевым потреблением, продолжительностью жизни, уровнем грамотности (Мельянцев, 2006; Madisson, 2008). Больше того, в средние века, скажем в период танской династии (6-9 вв. н.э), Китай даже несколько опережал Запад по уровню технологии и потребления (примерно на 20-30%). Эта переменчивость исторических судеб известна в литературе под названием «загадки Нидема», по имени Джозефа Нидема (Joseph Needham) – английского ученого, автора многотомного исследования на эту тему.

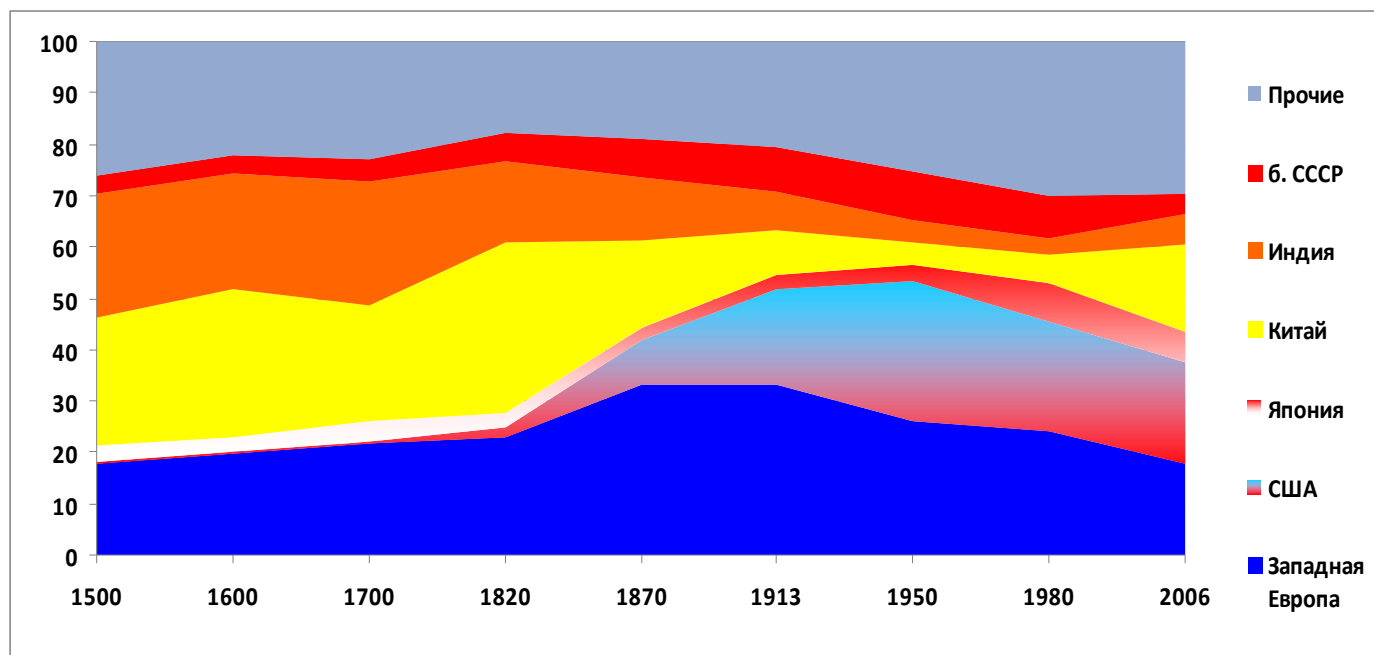
С 16 века, однако, начинается ускоренное развитие Запада. В 1900 году отношение ВВП на душу населения в развитых странах и развивающихся выросло до 6:1 (рис. 1), а доля Китая и Индии в мировом валовом продукте, составлявшая до середины 19 века 40-50%, к 1950 году снизилась до 9% (рис. 2).

Рис. 1. ВВП на душу населения по паритетам покупательной способности (в международных долларах 1990 г. Джири-Хамиса)

Источник: Madisson, 2008.

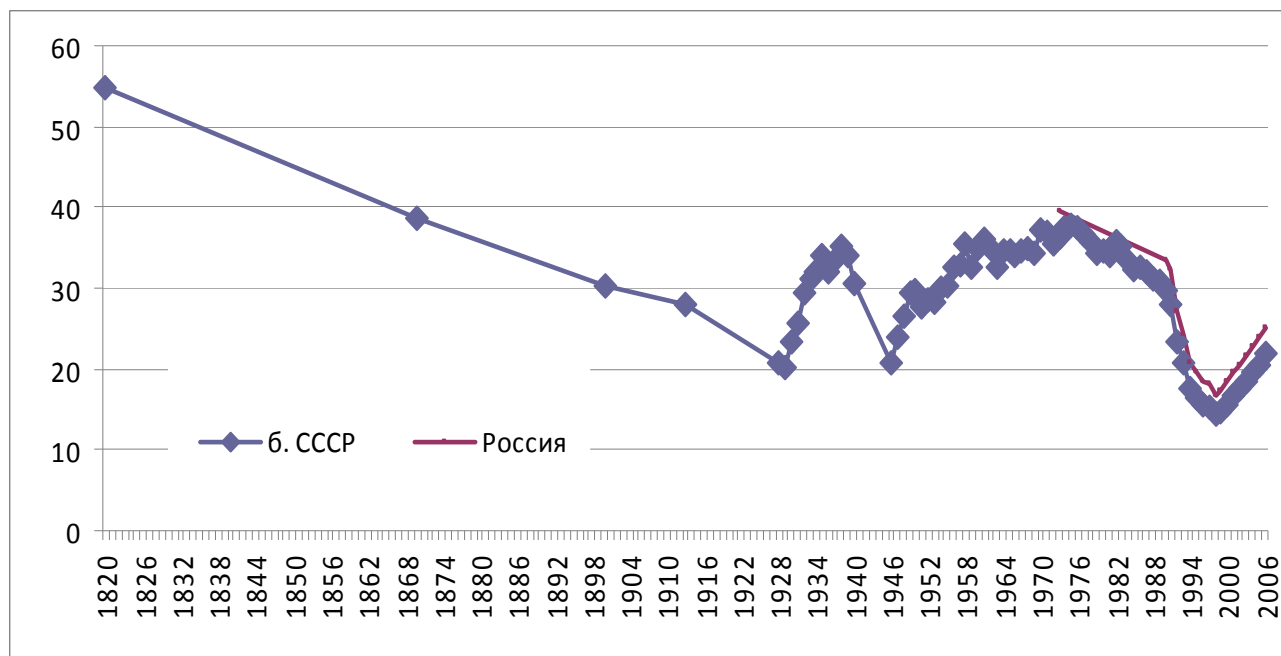
Рис. 2. Доля отдельных стран и регионов в мировом валовом продукте (по паритету покупательной способности) в 1950-2006 гг. в %

Источник: Madisson, 2008.

С начала 19 века некоторые страны периферии (Япония, Латинская Америка, Российская империя) тоже вступают в полосу быстрого развития (рост производительности на) 0,1 - 1% в год, как на Западе, против 0,01% в год ранее), но им удается только приостановить рост разрыва с Западом, но не преодолеть его. Первой страной периферии, сумевшей существенно сократить разрыв с Западом, был Советский Союз – в 30-60-е годы 20 века подушевой ВВП вырос с 20% до почти 40% от американского уровня (рис. 3). Однако в 70-е-80-е годы разрыв уже не сокращался, советская модель импортзамещения перестала работать, ну а с переходом к рынку и демократии и развалом СССР произошло значительное падение производства, которое только сейчас (2012 год) восстанавливается до предкризисного уровня (рис. 3).

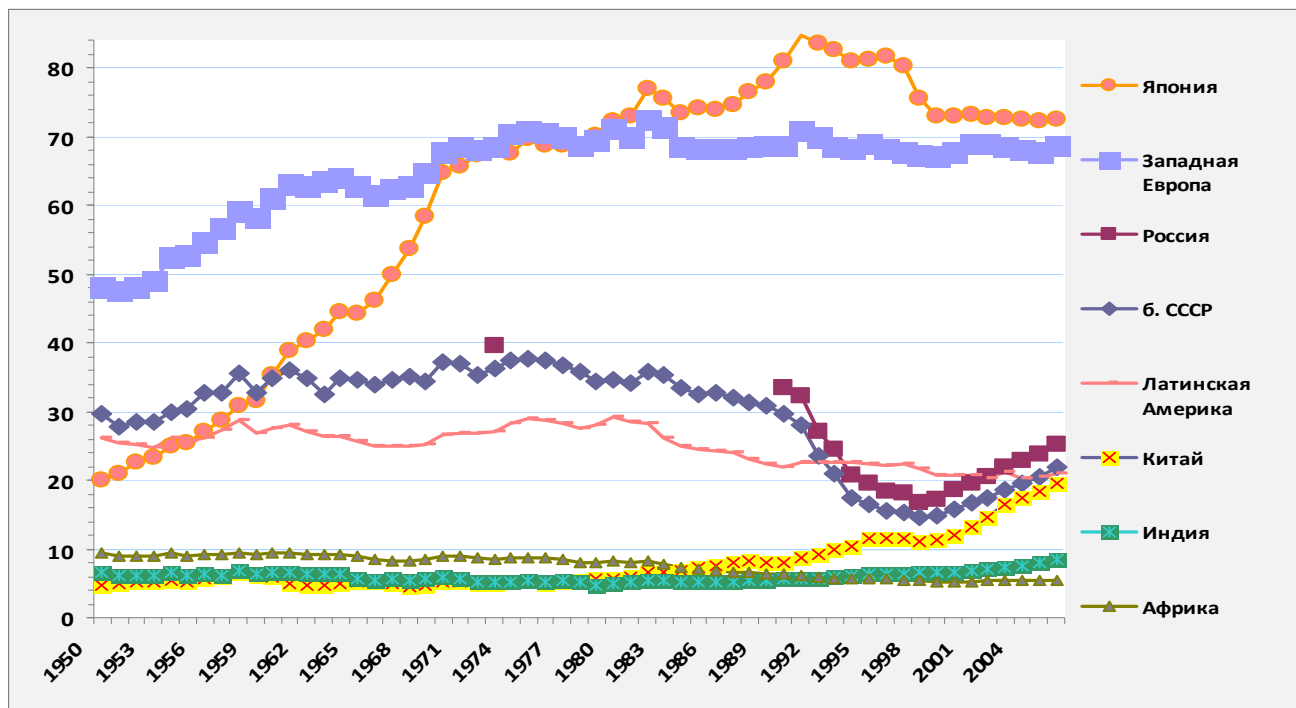
Рис. 3. ВВП на душу населения в СССР и России в % к уровню США

Источник: Madisson, 2008.

С середины 20 века, однако, другая, восточноазиатская модель экспортно-ориентированного догоняющего развития позволила ряду стран догнать Запад и фактически превратиться из развивающихся в развитые. Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, Гонконг – все эти страны впервые вошли в клуб богатых стран после того, как этот клуб образовался (в начале 19 века ВВП на душу в западных странах уже вдвое превышал подушевой ВВП в развивающихся). По пути этих стран идет теперь и Юго-Восточная Азия (АСЕАН), и Китай, а в последние два-три десятилетия – и Индия (рис. 4). В 1950 г. на развитые страны приходилось более половины мирового ВВП, в 2006 г. эта доля снизилась до 40% в основном за счет роста доли Китая и Индии и несмотря на снижение доли б. СССР (рис. 4). Продолжение этих тенденций будет означать подтягивание развивающихся стран к западному уровню и сокращение доли Запада в мировом ВВП до 20%.

Рис. 4. ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности) в % к уровню США

Источник: Madisson, 2008.

Обзор литературы – выход из мальтузианской ловушки

Существует две основные школы мысли – назовем их условно западная и ориенталистская – в объяснении экономического возвышения Запада (характеристика обоих подходов дается в Bryant, 2006). Первая подчеркивает закономерный характер процесса, вторая, напротив, делает акцент на стечении обстоятельств, исторической случайности. Первая, более традиционная трактовка (Landes, 1998; Мокуг, 2002, видимо, самые известные современные авторы) состоит в том, что отдельные социальные новации, или же вся их совокупность незадолго до и сразу после 16 века привели к ускорению развития Запада. Среди этих социальных новаций – отмена крепостничества и личная свобода, разрушение соседской общины и огораживание, образование свободных городов, протестантская этика, Magna Carta, университеты, свобода дискуссии и беспрепятственный обмен идеями, и т. д. «Традиционная мудрость, принимаемая многими специалистами по экономической

истории, в частности и такими известными как Дуглас Норт, состоит в указании на набор связанных друг с другом правовых, экономических и социальных институтов, которые, как считается, необходимы для устойчивого экономического роста или по крайней мере способствуют ему, - писал об этом Нобелевский лауреат Роберт Солоу. – Самые важные из них – верховенство закона, гарантии прав собственности, относительно свободные рынки и известная степень социальной мобильности. Они уменьшают неопределенность вокруг сбережений, инвестиций и предпринимательской активности и повышают для способных людей стимулы к занятиям экономической деятельностью, а не грабежами и молитвами. Промышленная революция произошла именно тогда, когда произошла, так как эти условия оказались выполненными как никогда раньше; и именно в Англии эти условия были созданы раньше, чем в других странах, и в наиболее полной степени» (Solow, 2007).

Сторонники второго подхода (Diamond, 1997; Pomerantz, 2000; Wong, 1997— опять-таки лишь некоторые современные авторы) считают, что особых отличий в развитии Запада и Востока до 18 века не было. Даже в 18 веке, считает К. Померанц (Pomerantz, 2000), Китай не уступал Европе в том, что касается технологий, уровня потребления, развития институтов, которые могли поддерживать технологические новшества (корпорации, финансовые учреждения, способные мобилизовать большие объемы капитала). То, что в Англии произошло ускорение роста, а в Китае нет, объясняется, по его мнению, стечением довольно случайных обстоятельств – наличием в Англии месторождений железной руды и угля в непосредственной близости друг от друга и большим оттоком населения из Европы после «открытия» Америки.

Как известно, Чжен Хэ (1371-1435), величайший китайский путешественник, почти за век до Колумба плывал на огромных кораблях (более 120 м длиной против 30 м у Колумба) к Африканскому рогу, на Мадагаскар, в Индонезию. Дело шло к тому, что Америку «откроет» Китай, а не Европа, но императоры минской династии запретили строительство больших кораблей после путешествий Чжен Хэ – довольно случайное, а отнюдь не закономерное решение, положившее начало самоизоляции Средней империи

на протяжении последующих 4-х веков. В Европе же, согласно Померанцу, эмиграция позволила смягчить давление растущего населения на ограниченные земельные ресурсы и избежать снижения производительности. Согласно же многим другим авторам, удорожание рабочей силы из-за эмиграции в Америку заставило предпринимателей внедрять трудосберегающие технологии, что дало толчок техническому прогрессу.

Дж. Даймонд (Diamond, 1997) придает решающее значение таким, казалось бы, незначительным факторам, как отсутствие легко одомашниваемых животных в Африке, доколумбовой Америке и Австралии и изобилие таких животных в Евразии и географическая протяженность Евразии с Запада на Восток, что облегчало распространение передовых сельскохозяйственных технологий из-за схожести климатических условий, в отличие от Америки, вытянутой с Севера на Юг, пересекающей все мыслимые климатические зоны, в которых возделываются самые разные культуры – от бананов до овса².

Ускорение экономического роста на Западе с 16 века часто обсуждается в терминах преодоления мальтузианской ловушки роста. Эта ловушка, или мальтузианский режим роста, состоит в том, что на низком уровне развития сбережения низки и их хватает только на то, чтобы сделать инвестиции в возмещение выбытия основного капитала и в создание рабочих мест для новых рабочих, которые вливаются в рабочую силу из-за роста населения. Тонкость здесь в том, что сами темпы роста населения зависят от ВВП на душу или производительности труда: если сбережения увеличиваются и ВВП возрастает, то повышается и рождаемость³, что заставляет тратить сбережения на создание новых рабочих мест для растущего населения, так что на увеличение капитала на одного

² Есть и другие объяснения (Turchin, 2005; Clark, 2007; Wen, 2008; Findlay, O’Roerke, 2009), которые не укладываются полностью в предлагаемую схему двух школ – западной и ориенталистской (см. подробнее Роров, 2009).

³ В первой публикации книги Мальтус предполагал, что снижение дохода ведет к увеличению смертности, но в последующих изданиях он уже подчеркивал связь между доходом и рождаемостью. Недавние исследования динамики народонаселения, похоже, подтверждают, что падение реальных доходов ведет именно к снижению рождаемости из-за повышения возраста вступления в брак (см. подробнее Saito, 1996 – ссылается на Wringley and Schofield, 1981).

занятого (капиталовооруженности), которое и определяет динамику производительности труда, сбережений уже не остается. Получается, что экономический успех наций проявляется в численности населения, а не в производительности и подушевых доходах, так как рост производительности, если и происходит, тут же «съедается» ростом населения.

В рамках модели Солоу производительность труда, y , увеличивается благодаря росту капиталовооруженности, k ($k = K/L$), и техническому прогрессу, A :

$$y = A * k^\alpha$$

Фактические сбережения предполагаются равными постоянной части дохода и равными фактическим инвестициям, так что в расчете на 1 занятого они составляют I_a :

$$I_a = s * y = s * A * k^\alpha,$$

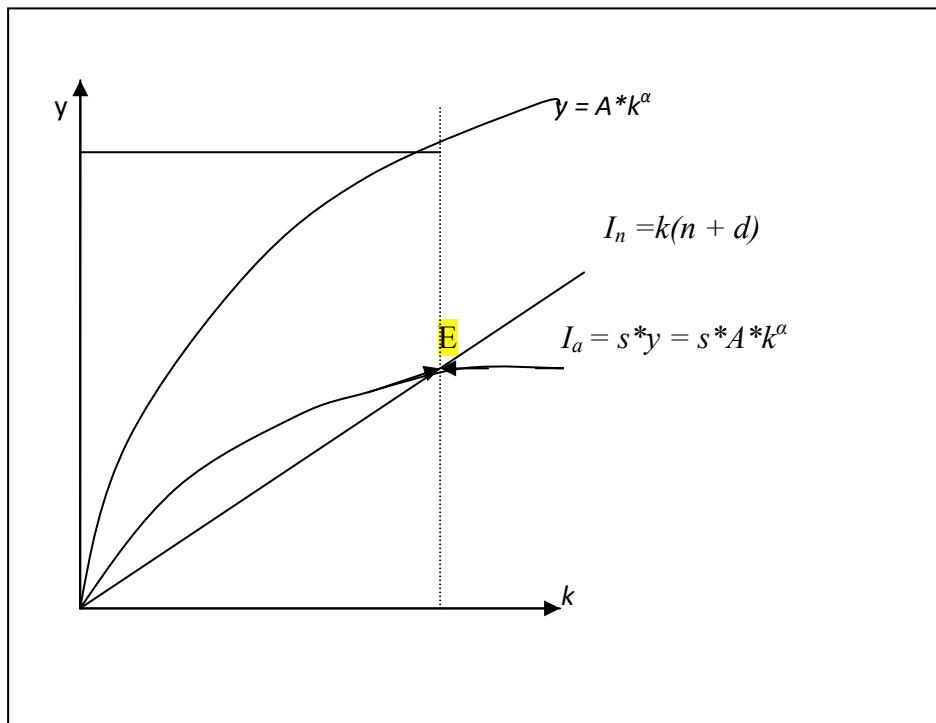
где s – доля сбережений в доходе, а y – доход на 1 занятого.

Инвестиции, требуемые для поддержания постоянной капиталовооруженности, K/L , должны возместить амортизацию основного капитала (d – доля ежегодно выбывающего основного капитала) и создать рабочие места для растущего населения. Если это население растет темпом n , то требуемые для поддержания постоянной капиталовооруженности инвестиции в расчете на 1 занятого составят:

$$I_n = k(n + d).$$

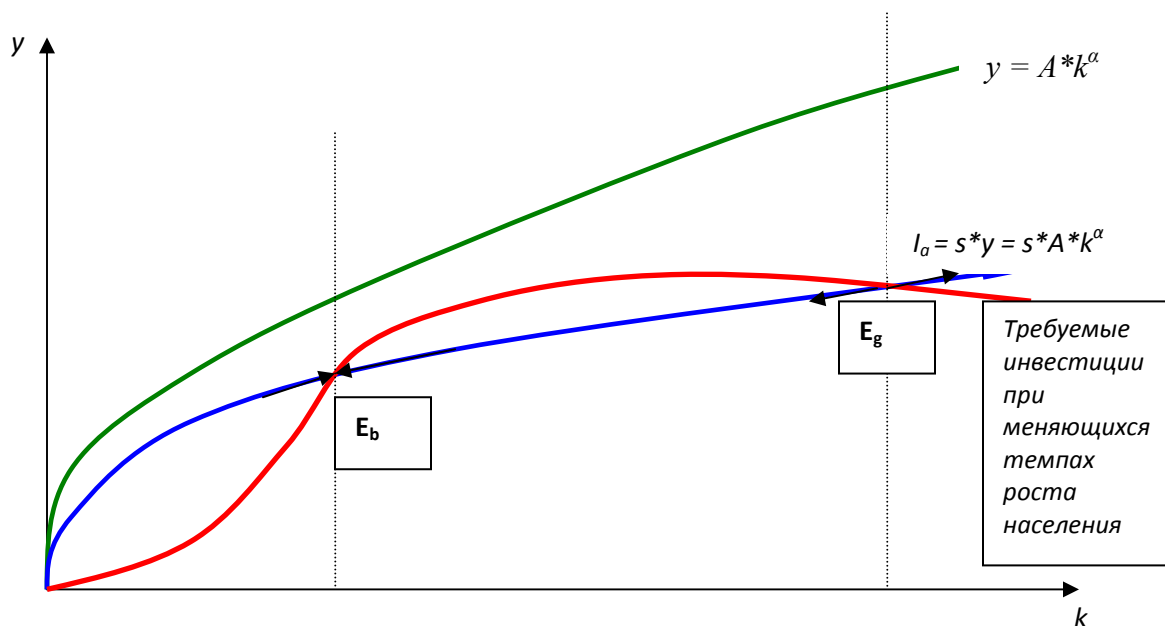
Тогда устойчивое равновесие образуется в точке **Е**, где пересекается прямая, характеризующая инвестиционные потребности [$I_n = k(n + d)$], и кривая, характеризующая фактические инвестиции ($I_a = s * y = s * A * k^\alpha$) – рис. 5а.

Рис. 5а. Устойчивое равновесие в модели Солоу с постоянными темпами роста населения

Если же предположить, что темпы роста населения не постоянны, а зависят от подушевого дохода так, как показано на рис. 5б (сначала увеличиваются по мере роста дохода, а потом снижаются), то образуются два равновесия – одно (E_b) «плохое» (на низком уровне капиталовооруженности и дохода) и устойчивое, а другое (E_g) «хорошее» (на высоком уровне капиталовооруженности и дохода) и неустойчивое. Чтобы выйти из плохого равновесия (бедности – мальтузианской ловушки роста) и попасть в хорошее равновесие богатой жизни, нужно скачкообразное увеличение нормы сбережений («большой толчок»), достаточное для увеличения капитала на одного занятого до должного уровня.

Рис. 56. Мальтузианская ловушка в модели Солоу с темпами роста населения, зависящими от дохода

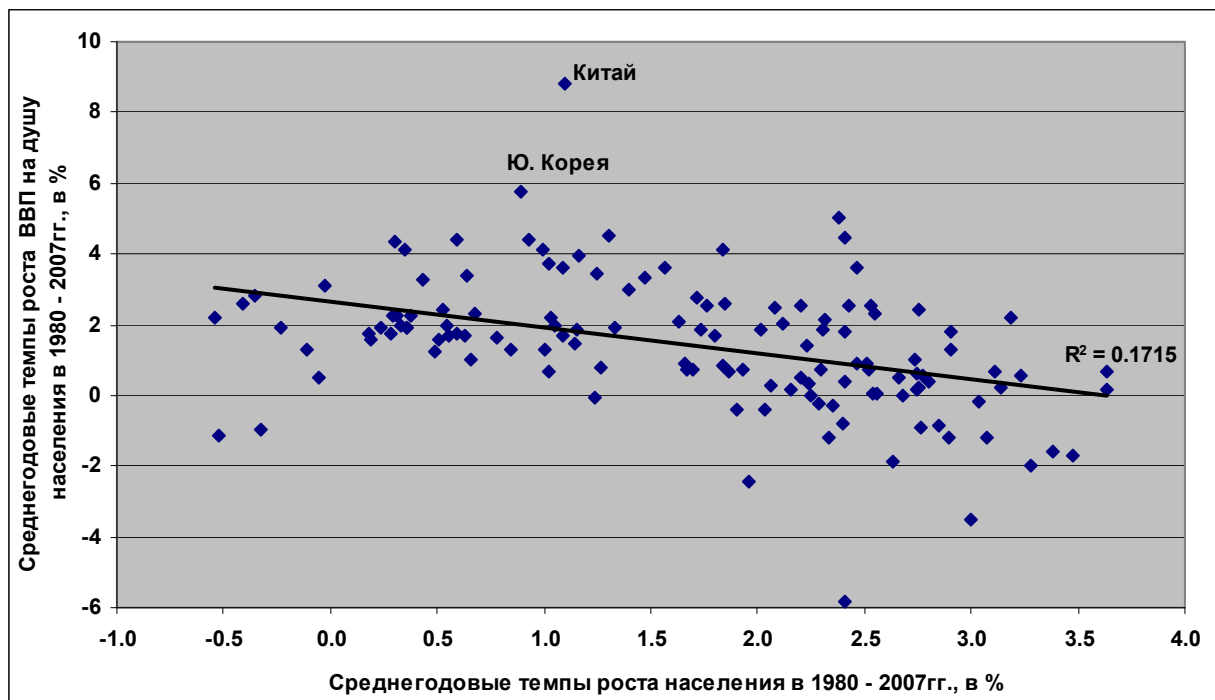

Собственно говоря, описание мальтузианской ловушки не оспаривается большинством экономистов. Одна из самых устойчивых зависимостей в массиве статистических данных об экономическом росте – отрицательная связь между темпами роста ВВП на душу населения и темпами роста самого населения (рис. 6).

Но вот ответа на вопрос, почему Англия и северозападная Европа не смогли вырваться из этой ловушки до 16 века и почему другие страны вырвались гораздо позже, а некоторые не вырвались до сих пор, строго говоря, нет. В этом по сути и состоит недостаток традиционных объяснений. «Каким образом получилось так, что огромные различия в обычаях, общественном устройстве, институтах, языках, географии, земледелии, и во многом другом не привели к различиям в темпах экономического роста... – спрашивает Дж. Голдстоун. ... И почему этот (мальтузианский- В.П.) режим роста неожиданно подошел к концу или был трансформирован, так что темпы роста, бывшие стабильными

на протяжении, как минимум, десяти тысяч лет, неожиданно повысились на два порядка за 100 лет» (Goldstone, 2007).

Рис. 6. Среднегодовые темпы роста населения и ВВП на душу населения в 1980 - 2007гг., в %

Источник: WDI.

В самом деле, если отказ от традиционных общинных институтов дает ускорение экономического роста, почему этого не случилось ранее в древней Греции, Риме, Византии, Китае, Индии? Почему в древней Греции и Риме с высоким уровнем гарантий прав личности и предпринимательства, со свободными дискуссиями и обменом идеями не произошла своя промышленная революция? И почему после перехода Запада в режим быстрого экономического роста, другие страны не смогли совершить такой же прорыв? Больше того, если успехи в догоняющем развитии и были, то как раз в странах (СССР до 70-х годов, Япония, Ю. Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, а теперь и Юго-Восточная Азия и Китай), которые совсем не укладываются в схему либерального свободного предпринимательства и демократии.

Новые данные о качестве институтов в 19-20 вв. (база данных POLITY) привлекли в последние годы к дискуссиям внимание не только экономических историков, но и макроэкономистов и тех, кто занимается экономическим ростом. Толчком послужила статья «Колониальное прошлое как причина различий в сравнительном развитии» (Acemoglu, Johnson, and Robinson, 2001 - Colonial Origins of Comparative Development), в которой авторы пытаются решить проблему «курица-яйцо» применительно к взаимозависимости институтов и экономического роста с помощью инструментальной переменной – уровень смертности среди европейских поселенцев (колонизаторов). Если уровень смертности поселенцев был высок, как в Гамбии, Мали, Нигерии, колонизаторы не были заинтересованы в налаживании хороших институтов в этих странах. Напротив, если уровень смертности был низок (Австралия, Багамы, Канада, Гонконг, Новая Зеландия, США), то колонии считались перспективными и метрополии инвестировали в институциональное строительство. Утверждалось также, что местное население обладало иммунитетом ко многим болезням, поражавшим поселенцев, так что прямое воздействие смертности поселенцев на экономический рост было слабым, а главное влияние происходило косвенно – через воздействие на институциональное строительство, которое в свою очередь влияло на рост. Именно поэтому поселенческая смертность – идеальный эконометрический инструмент для решения проблемы эндогенности (институты => рост => институты). Результат же анализа с помощью этого инструмента был таким: для роста важны институты, а не географическое положение.

Другая школа (Sachs, 2003; Faye, McArthur, Sachs, Snow, 2004) придерживается мнения, что прямое влияние географии на рост значительно – через доступ к морю, транспортные издержки, климат и болезни. Дж. Сакс, споря с институционалистами (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001), указывает на высокую корреляцию между смертностью британских солдат в различных частях мира около 1820 г. и подушевым ВВП в 1980-90-е годы. Сакс выделяет три группы развивающихся стран: (1) с благоприятными географическими условиями, хорошими институтами и экономической политикой – приморские районы Китая, Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия, (2) с

благоприятным географическим положением, но, по историческим причинам, с плохим управлением и институтами – страны Центральной Европы, географическая близость которых к Западной Европе не принесла им особых преимуществ при социализме, (3) обедневшие страны с неблагоприятной географией (Африка южнее Сахары, Средняя Азия, большая часть Андского нагорья и горные районы Центральной Америки) с низким уровнем дохода и малочисленным населением (и, следовательно, с узкими внутренними рынками), расположенные далеко от моря и страдающие от болезней, особенно от СПИДа, малярии и туберкулеза. Эта последняя группа стран «оказалась по сути в ловушке бедности из-за неспособности пройти рыночный тест на привлечение частных инвестиций» Sachs (2003).

Большинство авторов все же отвергают прямолинейный географический детерминизм, хотя и не принимают теорию колониального происхождения институциональных различий. Так, в статье с характерным названием «Институты правят бал» (“Institutions Rule” – Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002), авторы исследуют влияние на экономический рост трех факторов – географических условий, институтов и внешней торговли. Трудность, конечно, состоит в том, что все эти факторы взаимосвязаны – и между собой, и с экономическим ростом, так что авторы также применяют инструменты: для институтов – поселенческая смертность, для доли внешней торговли в ВВП – расчетная доля на основе гравитационной модели. В результате они приходят к выводу, что важнее институтов нет ничего. Институты в значительной степени, хотя и не целиком, определяются географией, и в свою очередь определяют вовлеченность страны во внешнюю торговлю. Прямое воздействие географии на рост (а не опосредованное – через влияние на институты) оказывается незначимым.

Различия с географическим детерминизмом здесь очевидны, но есть и отличия школы колониального происхождения институтов (Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001). Как считают авторы описываемой статьи (Rodrik, Subramanian, Trebbi, 2002), поселенческая смертность может быть хорошим эконометрическим инструментом для предсказания качества институтов, но не фактором, определяющим это качество. Нахождение

инструмента не эквивалентно обнаружению причины. Д. Родрик (Rodrik, 2004) объясняет это следующим примером: различия в подушевом ВВП стран, которые никогда не были колониями (Эфиопия, Афганистан, Турция, Таиланд, Япония) не менее значительны, чем расхождения в подушевом ВВП стран с колониальным прошлым; как объяснить эти отличия в странах без колониального прошлого?

Выход из мальтузианской ловушки

Альтернативная гипотеза, объясняющая генезис институтов и их эволюцию состоит в следующем. Мальтузианский режим роста, в котором находились все страны до 16 века, характеризовался, среди прочего, низким доходным неравенством. Собственно говоря, неравенство и не могло быть высоким, так как при среднем доходе порядка \$500 долларов в год на душу населения (в долларах 1990 года) рост неравенства был связан с ростом доли населения ниже черты прожиточного минимума. При предположении, что прожиточный минимум составлял половину среднего дохода, получается, что критический, или максимально возможный уровень неравенства, достигаемый без вымирания населения, примерно соответствует коэффициенту Джини на уровне менее 50% («*inequality possibility frontier*» - Milanovic, Lindert, Williamson, 2008). Если фактический уровень неравенства превышал критический, население просто переставало увеличиваться или даже сокращалось (из-за снижения рождаемости и роста смертности). В мальтузианском режиме роста, когда богатство и мощь страны определялись численностью жителей и армии, это чаще всего означало поражение в будущей войне. Успех же страны выражался в быстром росте населения – как в Китае при императоре Цяньлуне, правление которого (1736—1795гг.) ознаменовалось небывало быстрым ростом населения (доля Китая в мировом населении увеличилась с 23% в 1700 г. до 37% в 1820 г. – Maddison, 2008).

Низкое неравенство обеспечивали коллективистские институты, прежде всего община, но также и государство, руководствовавшиеся «азиатскими ценностями» — приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума. А низкое неравенство означало низкую норму сбережений и инвестиций (так как бедная часть населения физически не

могла делать сбережения), что создавало порочный круг: низкие сбережения и инвестиции => низкая и не повышающаяся капиталовооруженность => низкая и не растущая производительность труда => низкая норма накопления⁴. Даже если производительность труда и/или норма накопления по какой-то причине и возрастала, вступал в силу другой механизм: ускорение роста населения при повышении уровня жизни, «съедавшее» повышение капиталовооруженности и производительности труда.

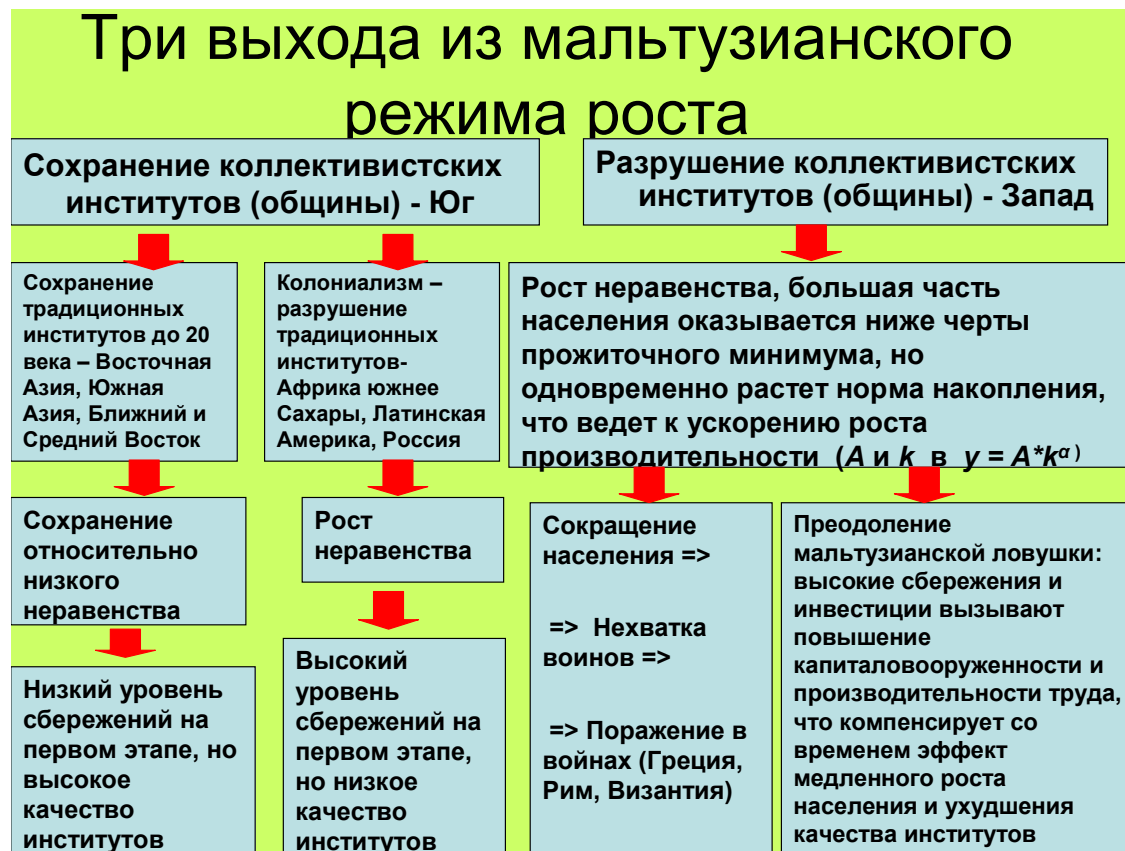
Попытки выйти из мальтузианской ловушки предпринимались не раз, в том числе и в древней Греции и Риме и в Византии, но, видимо, вели только к поражениям этих стран в войнах с более примитивными, но и более приверженными «азиатским» (общинным, коллективным) ценностям захватчиками. Разрушение традиционных (общинных) институтов и приоритетная защита интересов индивидуума, а не общины, вели к росту доходного и имущественного неравенства, что позволяло увеличить сбережения, инвестиции, капиталовооруженность и производительность труда, но лишь ценой поляризации общества и замедления роста и даже сокращения населения – основы могущества наций в мальтузианском режиме роста.

Такой эксперимент при низком уровне доходов мог быть успешным только случайно – нужно было, чтобы два-три столетия драматических социальных перемен с ростом неравенства и крайней бедности не привели ни к разрушительным внутренним бунтам, ни к ослаблению государства и иностранному завоеванию. И, похоже, такая случайность превратилась в действительность в Англии в 16-18 веках во время огораживания, а затем и в остальной северо-западной Европе. Механизм выхода Запада из мальтузианской ловушки, начиная с 16 века, был совсем не уникальным (попытки выхода предпринимались и до этого). Уникальным, однако, было то, что Запад смог продержаться два-три века, не будучи завоеван соседями с более традиционными

⁴Модель Солоу основана на производственной функции с экзогенным техническим прогрессом (A не объясняется, а предполагается данным). В моделях с эндогенным техническим прогрессом A зависит от темпов накопления капитала (инвестиции в НИОКР и инновации ускоряют технический прогресс), так что более высокий уровень инвестиций ведет к ускорению роста не только из-за повышения капиталовооруженности, K/L , но и из-за повышения технического уровня производства, A .

институтами, до тех пор пока производительность труда не выросла к началу 19 века более, чем в два раза, с соответствующими последствиями для военной мощи (первый выход из мальтузианской ловушки – рис. 7).

Рис. 7. Три выхода из мальтузианского режима роста

Многочисленные факты подтверждают такую гипотезу. Несмотря на ускорение роста производительности труда в 1500-1800 гг. в Великобритании (до 0,2% в год, так что за три века подушевой ВВП более, чем удвоился⁵), уровень жизни населения (потребление) не повысился. «Самый важный стилизованный факт состоит в том, - пишет об этом Дж. Голдстоун, - что у нас нет никаких свидетельств сколько-нибудь значительного повышения материального благосостояния среднего работника нигде в мире до 1830 года» (Goldstone, 2007). Даже в Англии, переживавшей промышленную революцию,

⁵ Подушевой ВВП в Великобритании в постоянных долларах 1990г. увеличился с \$714 в 1500г. до \$974 в 1600, до \$1250 в 1700г. и до \$1706 в 1820г. (Maddison, 2008).

реальные заработки на самом деле даже сократились в 1500-1800 гг. (Saito, 2009). Это косвенное подтверждение гипотезы растущего неравенства в эпоху огораживания и первоначального накопления капитала, которое привело к кардинальному росту доли сбережений и инвестиций в ВВП – с 6% в 1760 г. до 12% в 1831 г. (Galor, 1998). Это также согласуется с тем фактом, что еще и в 18 веке уровень жизни в Китае был сопоставим с европейским: по уровню здравоохранения и санитарных условий, медицины, калорийности питания, продолжительности жизни, внутреннего потребления, Китай не уступал главным европейским странам (Pomerantz, 2000).

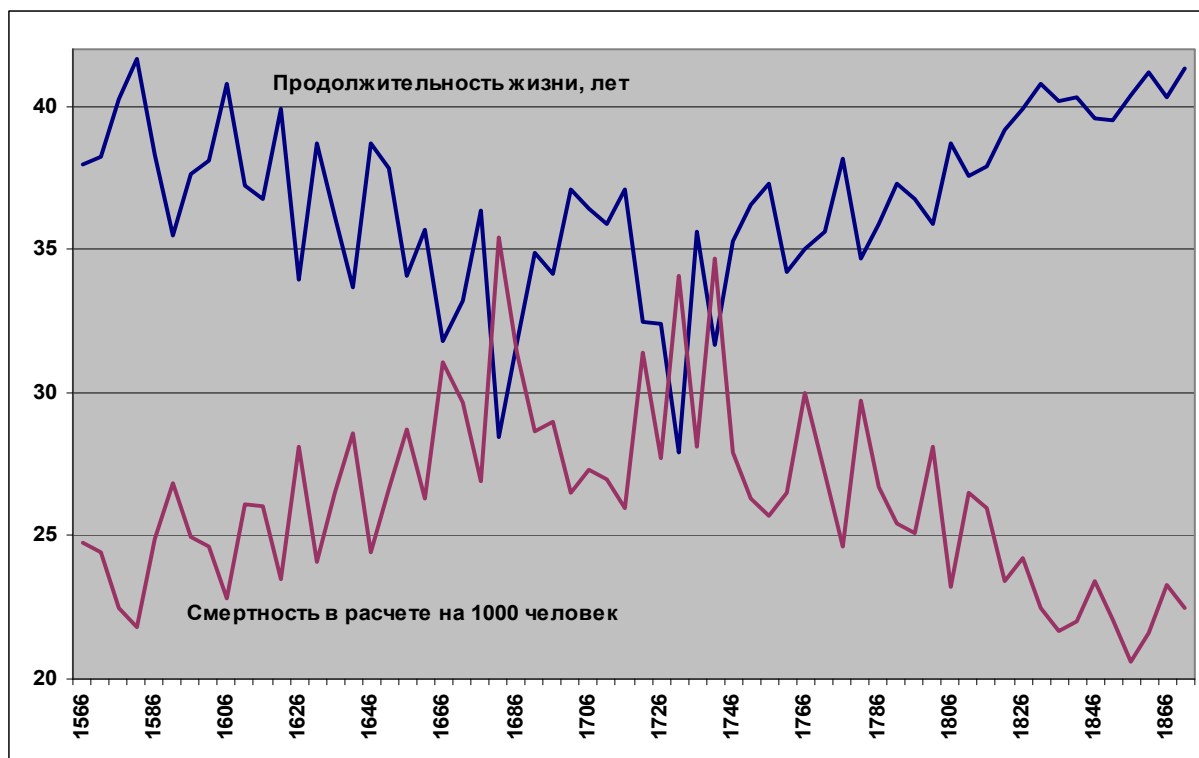
Кардинальное перераспределение собственности (земли) в Англии и отсутствие такого перераспределения в Китае видно из данных о величине фермерских хозяйств: в Британии их средний размер увеличился с 14 акров в 13 веке до 75 акров в 1600-1700 гг. и до 151 акра в 1800 г., тогда как в Китае он снизился с 4 акров в 1400 г. до 3,4 акров в 1650 г. и до 2,5 в 1800 г. (в дельте Янцзы — с 4 в 1400 г. до 2 в 1600-1700 гг. и до 1 в 1800 г.). В Китае растущему сельскому населению предоставлялась земля за счет существующих владельцев, в Англии, напротив, фермеры сгонялись с земли и превращались в пролетариев (Brenner and Isett, 2002, таблица 1). Доля городского населения в Англии повысилась с 6% в 1600 г. до 13% в 1700 г. и 24% в 1800 г., в то время как в Китае она сократилась с более 20% в 13 веке до всего лишь 5% (!) в начале 19 века (Brenner and Isett, 2002, таблица 4).

В 16-18 веках, таким образом, Европа и Китай (да и весь Юг) разошлись не столько в динамике потребления, сколько в динамике имущественного и доходного неравенства, сбережений и инвестиций. В Англии к 1800 г. две трети работников были уже пролетариями (работающими по найму), а в Китае – только 10% (Pomerantz, 2006). По наблюдению Р. Бреннера и К. Айсетта, в Англии «экономические фигуры, распространенные в дельте Янцзы, такие как крестьяне-собственники и землевладельцы, получающие ренту с помощью внеэкономического принуждения, преобладали в средневековый период, но затем сошли с исторической сцены... Главные агенты в экономике, особенно фермеры-арендаторы, теперь, хоть и владели средствами

производства (сельхозинвентарь, скот и прочее), но были отделены от условий своего собственного полного экономического воспроизводства, именно, от земли» (Brenner and Isett, 2002, p. 614).

Издержки такого перераспределения собственности и повышения неравенства были исключительно высоки – продолжительность жизни в Англии снизилась с 35-40 лет в конце 16 века до 30-35 в начале 18 века (рис. 8). Темпы роста населения упали с 0,7% в 1000-1500 гг. до 0,4% в 16 веке и до 0,3% в 17 веке, прежде чем выросли до 0,9% в 18 веке и 19 веке. Для 29 западноевропейских стран соответствующие цифры составили: 0,8%, 0,3%, 0,1%, 0,5% и 0,7% (Maddison, 2008).

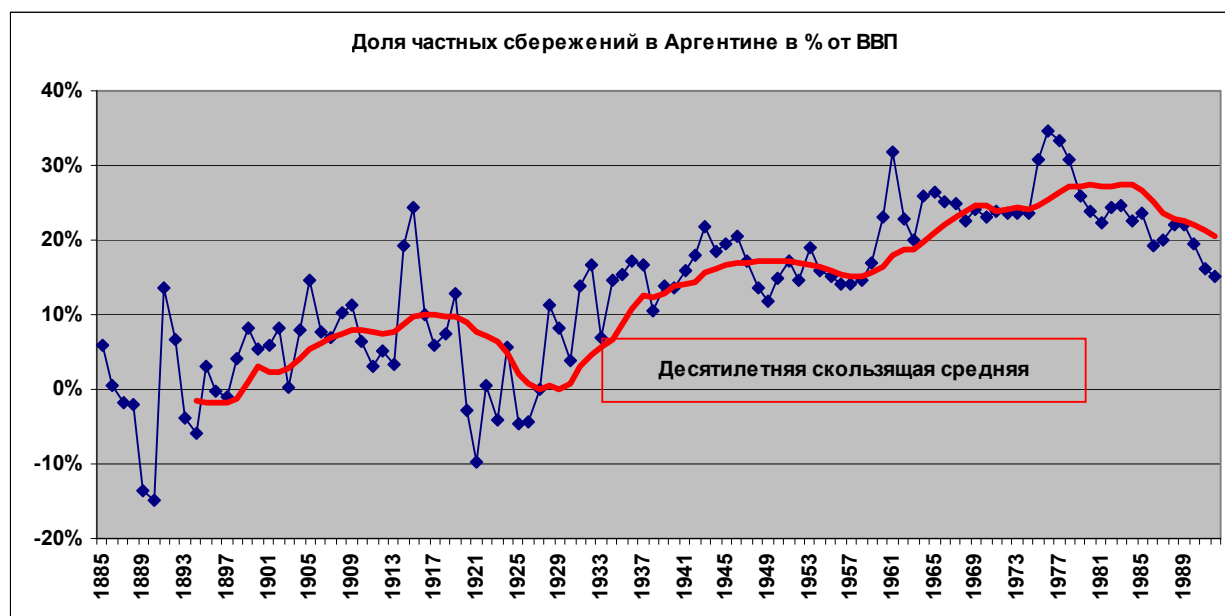
Рис. 8. Уровень смертности и продолжительности жизни в период начальной урбанизации и индустриализации , 1541-1871 гг.

Источник: Wrigley and Schofield, 1981.

Но и переориентация всей экономической машины с потребления на накопление стала несомненно крупнейшим социальным изменением за тысячелетия. Ведь прежде, до 16 века, доля сбережений и инвестиций в ВВП едва доходила до 5% и была едва достаточна для возмещения изношенного основного капитала создания новых рабочих мест для растущего населения. В Корее и Индии даже в начале 20 века доля сбережений все еще была на уровне 4-7% ВВП. В 1870-99 гг. в Австралии, Канаде, Японии, Великобритании норма сбережений составляла всего 9-14% ВВП (Maddison, 1992). Как видно из рис. 9, доля сбережений в Аргентине в конце 19 – начале 20 века, вплоть до второй мировой войны, не превышала 10%. А во многих бедных странах Африки и Южной Азии доля сбережений и инвестиций и сегодня находится на уровне 5-10%. Выход же из мальтузианской ловушки и достижение темпов роста производительности, измеряемых десятными долями процента и выше, с необходимостью предполагает повышение сбережений сверх этого уровня.

Рис. 9

Источник: Maddison, 1992.

Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции. Используя сравнение П. Кругмана, сделанное по другому поводу⁶, можно сказать, что Запад разбогател не благодаря вдохновению (“inspiration”), но благодаря «поту и крови» (“perspiration”), или, чтобы быть более точным, благодаря безжалостному «большому толчку» – ускорению накопления капитала, которое стало возможным только из-за роста неравенства после экспроприации мелких земельных собственников, и которое вызвало обнищание масс, повышение смертности и страданий.

Траектории институционального развития в странах Юга

После выхода Запада из мальтузианской ловушки прочие страны (Юг), включая самые развитые (Китай), еще долгое время оставались в мальтузианском режиме роста, сохраняя традиционные, общинные, институты и испытывая очень медленное – сотые доли процента – повышение производительности из-за роста (едва заметного) технического уровня производства. Можно только гадать, чем бы закончилась конкуренция стран и цивилизаций в мальтузианском режиме роста, когда численность населения была главным критерием успеха, так как колониальная экспансия Запада не позволила этой тенденции развиваться до логического завершения.

Эта колониальная экспансия разделила Юг на два типа стран. В Африке южнее Сахары, в Латинской Америке, во многих странах бывшего СССР, произошло полное или почти полное разрушение традиционных институтов (общины); они были заменены, но только, частично, новыми институтами личной ответственности, импортированными с Запада.

⁶ П. Кругман говорил о восточноазиатском «экономическом чуде» – быстром росте Японии, Ю. Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга, который, как он полагал, был вызван ускоренным накоплением капитала из за высокой доли инвестиций в ВВП (экстенсивные факторы роста – “perspiration”), а не ускоренным ростом совокупной факторной производительности (“inspiration”). То есть, Кругман считал, что «чуда», по сути, не было.

Напротив, Восточная Азия, Ближний и Средний Восток и в значительной степени Южная Азия смогли, вопреки колониализму, в большей степени сохранить традиционные коллективистские институты. Можно предположить, что страны и регионы, сохранившие традиционные институты, не испытали роста доходного неравенства и нормы накопления, но в то же время смогли сохранить институциональную преемственность, которая обеспечила высокое качество институтов. Другие страны мировой периферии, которые попытались воспроизвести западную модель выхода из мальтузианской ловушки и где развитие традиционных институтов было прервано, заплатили цену в виде ухудшения качества и эффективности этих институтов.

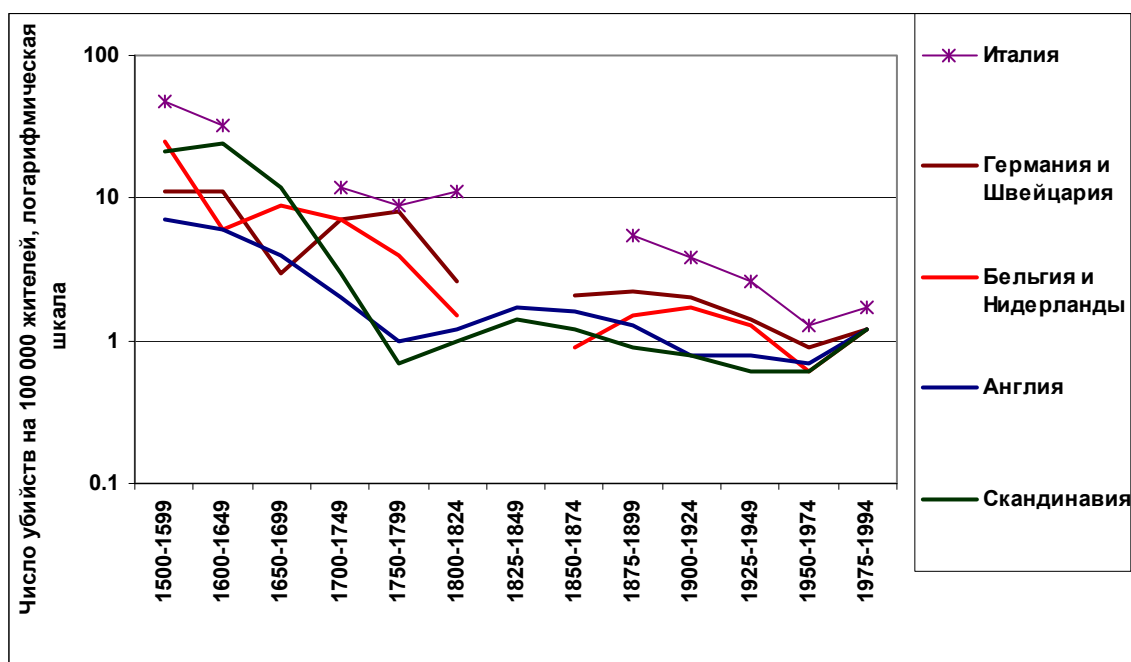
Трансплантация институтов – сложный процесс; он оказывается успешным лишь тогда, когда импортируемые институты приспособлены к местным потребностям и к существующим траекториям институционального развития и не прерывают институциональной преемственности (Полтерович, 2001). В противном случае качество институтов сильно ухудшается, так как возникает нежизнеспособная смесь из старых национальных и новых иностранных институтов. Если только старые институты не уничтожаются полностью вместе с населением, как это произошло во многих переселенческих колониях – США, Канаде, Австралии.

Если институциональный потенциал государства (качество госинститутов) определить как способность правительства добиваться исполнения законов и предписаний, то естественными измерителями будут доля теневой экономики и уровень преступности, а еще лучше – убийств, так как полнота регистрации преступлений сильно варьируется по странам, а тяжкие преступления все-таки регистрируются довольно полно даже в развивающихся странах (Роров, 2011).

Западным странам понадобилось 500 лет, чтобы снизить число убийств со 50-100 до 1-3 на 100 000 человек населения (рис. 10). Как видно, в 16-17 вв. уровень убийств в Западной Европе в основном превышал 10 на 100 000 жителей – значительно больше, чем во многих развивающихся странах со схожим уровнем ВВП на душу сегодня. На самом

деле в развивающемся мире сегодня мы находим два типа стран – с относительно низким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (1-3 человека на 100 000 жителей – Восточная Европа, Восточная Азия и Ближний и Средний Восток) и относительно высоким уровнем неравенства, теневой экономики и убийств (15-75 человек на 100 000 жителей в европейских республиках бывшего СССР и Казахстане, в Латинской Америке и Африке южнее Сахары) – рис. 11-12.

Рис. 10. Число убийств на 100 000 жителей в Западной Европе в 1500-2000 гг.

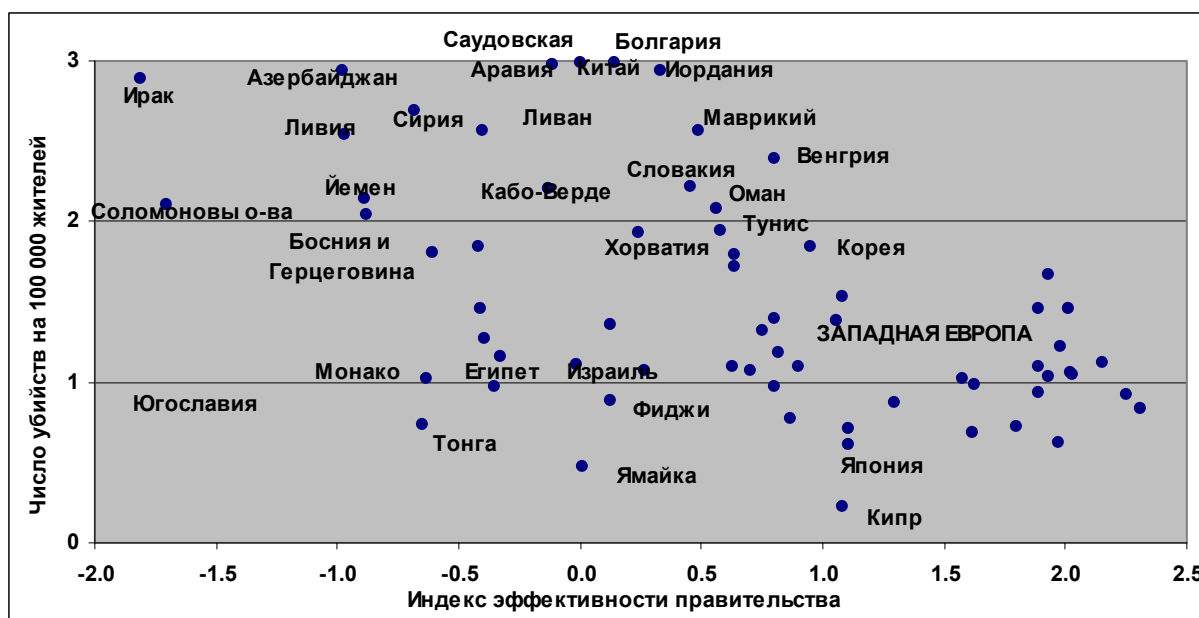

Источник: Manuel Eisner's Long-Term Historical Trends in Violent Crime, published in Crime and Justice, Vol. 30 (2003), pp 83-142.

Южная Азия (Индия, Бангладеш, Шри Ланка) и Юго-Восточная Азия (Малайзия, Индонезия, Таиланд, Вьетнам) занимают промежуточное положение - 5-10 убийств на 100 000 жителей (за исключением Филиппин с уровнем убийств 21 человек). Восточная Европа с низким уровнем убийств (1-3 человека) более похожа в этом отношении на

Западную, а такие регионы бывшего СССР как Закавказье и Средняя Азия более похожи на традиционные общества (тоже 1-3 убийства на 100 000 жителей) – рис. 11-12.⁷

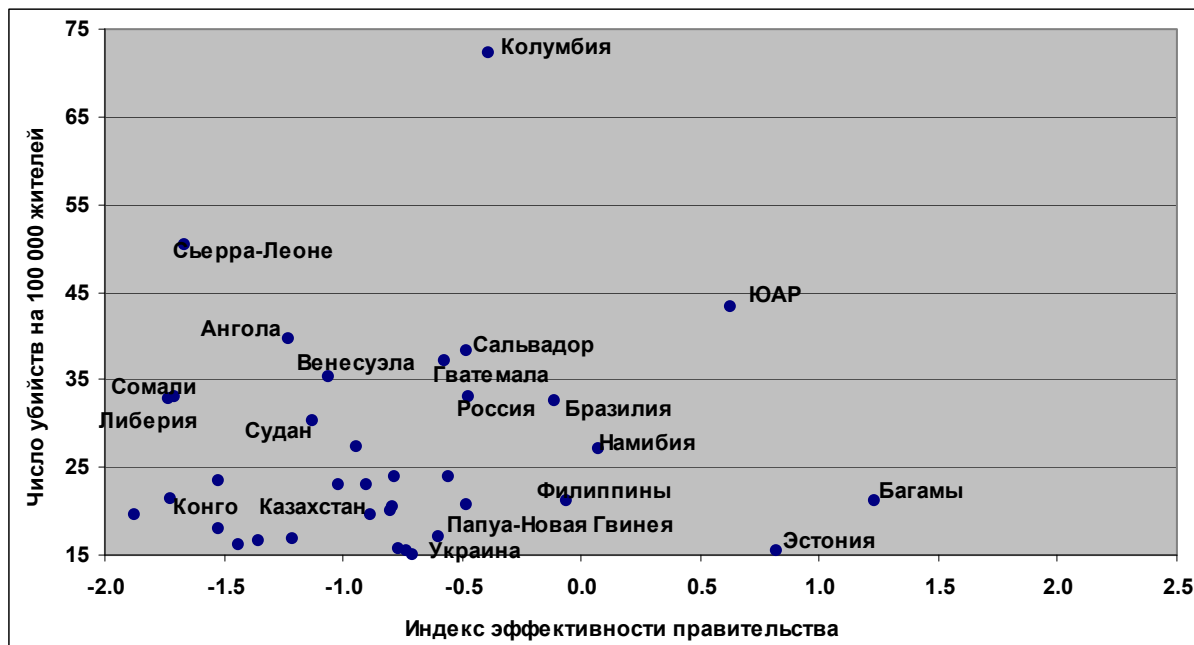
Рис. 11. Число убийств на 100 000 жителей и индекс эффективности правительства в 2002 г. - страны с числом убийств от 1 до 3

Источник: World Bank; WHO.

⁷ Другое свидетельство сохранения традиционных институтов в Восточной и Южной Азии и на Ближнем и Среднем Востоке – почти полное отсутствие городских трущоб (Pomeranz, 2006) и бездомных детей, наличие которых наблюдается в избытке в Латинской Америке, Африке южнее Сахары и России. В России в 2010 г. насчитывалось 700 000 сирот – больше, чем после Великой Отечественной Войны (Nina Achmatova. Russia facing an orphanage and adoption crisis. 06/04/2010. AsiaNews.IT - <http://www.asianews.it/news-en/Russia-facing-an-orphanage-and-adoption-crisis-18587.html>), и больше, чем в Китае – 600 000 (Faces of the Abandoned. - Newsweek, Dec 12, 2007 - <http://www.thedailybeast.com/newsweek/2007/12/12/faces-of-the-abandoned.html>).

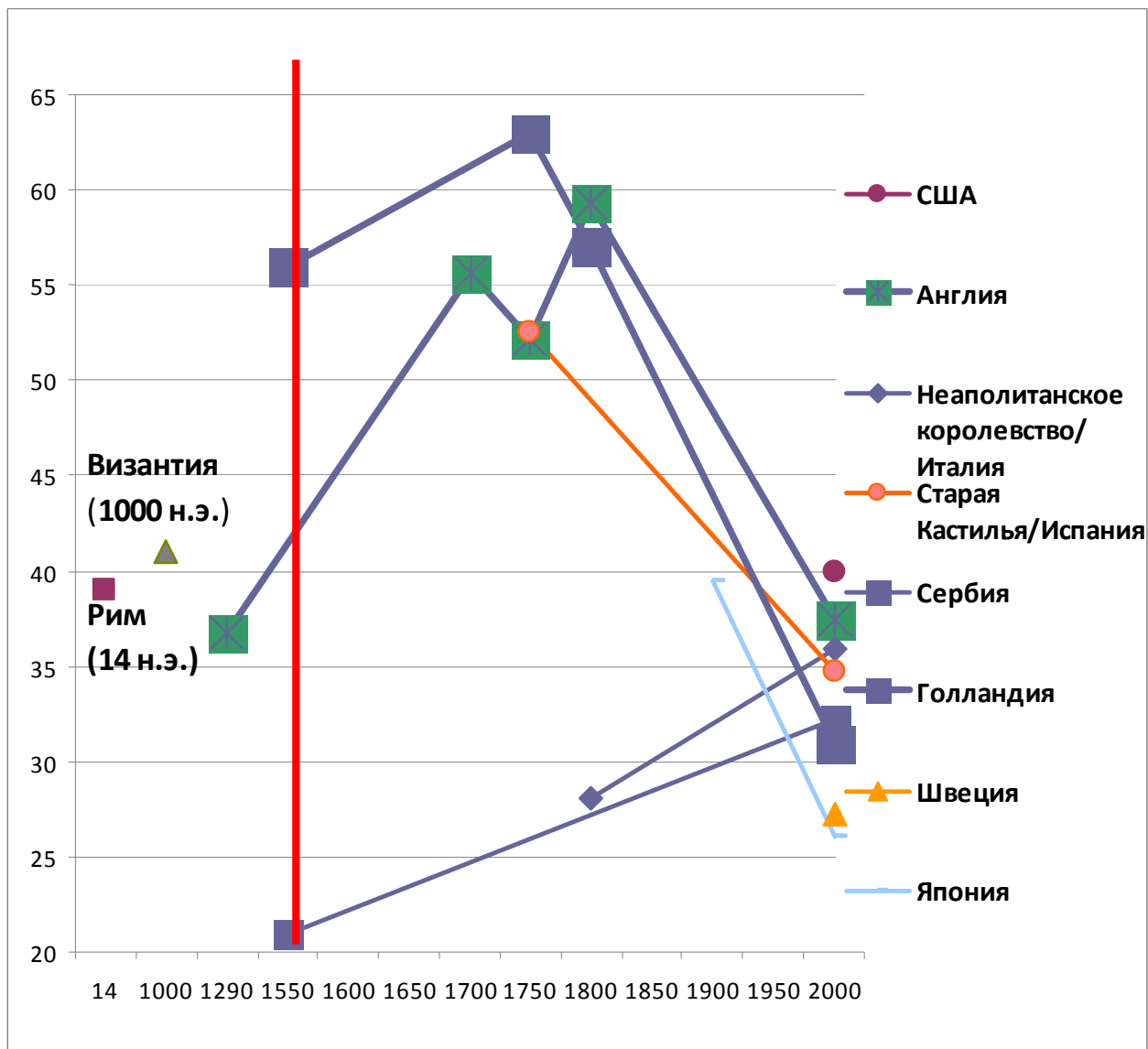
Рис. 12. Число убийств на 100 000 жителей и индекс эффективности правительства в 2002 г. - страны с числом убийств более 15

Источник: World Bank; WHO.

Данные, хотя и отрывочные, о неравенстве в распределении доходов в разные исторические эпохи и в разных странах дают еще одно подтверждение наличия трех выходов из мальтузианской ловушки и двух траекторий институционального развития в развивающихся странах. Разрушение традиционных институтов в западных странах вызвало резкий рост неравенства – в Англии коэффициент Джини неравенства в распределении доходов вырос с 46% в 1688 до 53% в 1860-е годы (Saito, 2009). По другим данным (Milanovic, Lidert, and Williamson, 2008), в Англии и Уэльсе, Голландии и Испании коэффициент Джини достигал уже в 18 веке 50-60% (рис. 13) – чрезвычайно высокий уровень как по современным стандартам, так и по стандартам докапиталистического общества (менее 40% в древнем Риме в 1 веке н.э. и в Византии в 1000 г.- рис. 13).

Рис. 13. Коэффициент Джини распределения доходов в развитых странах в 1290-2000гг. в %

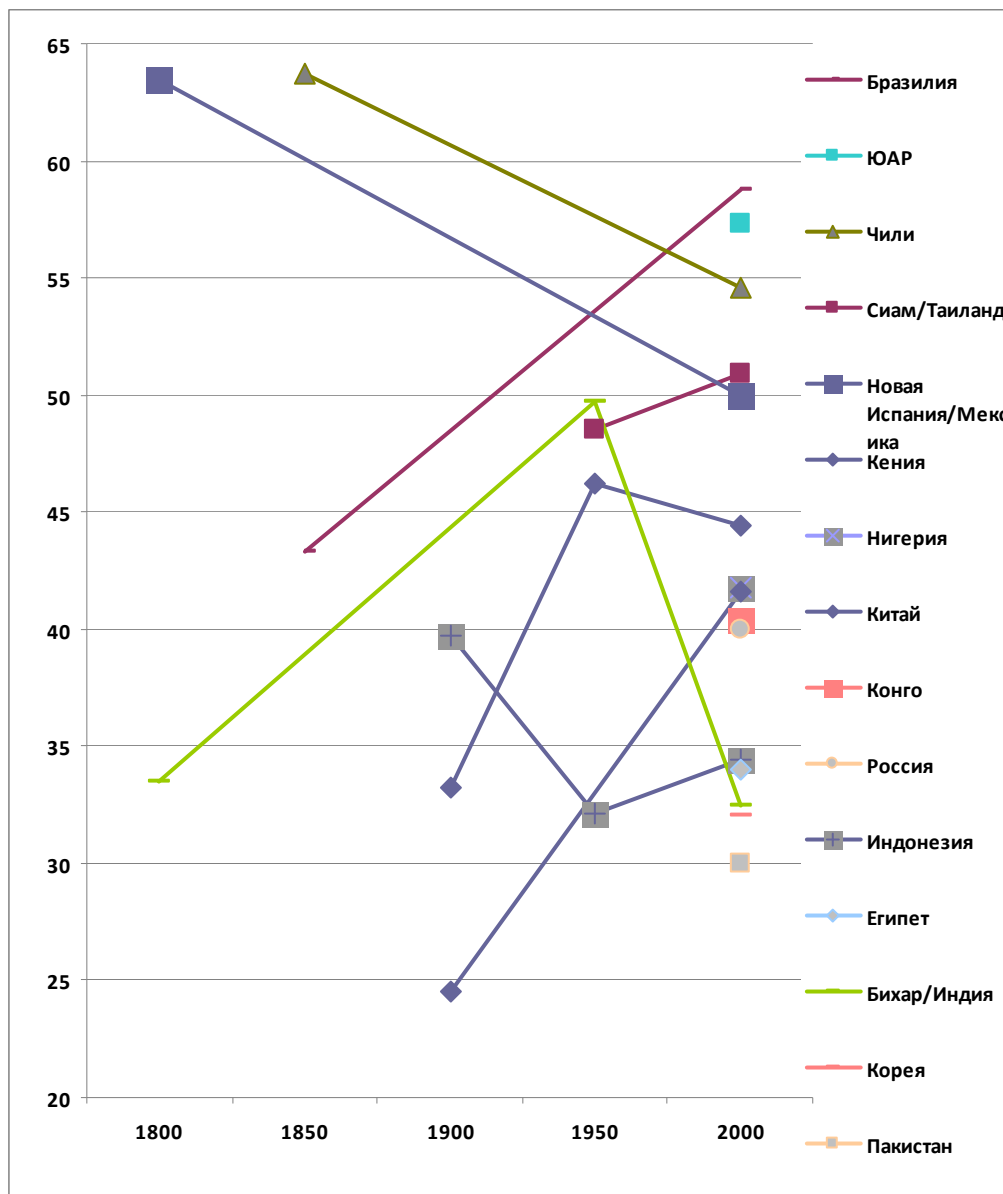

Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2008.

По уровню доходного неравенства, как и по уровню смертности и теневой экономики, развивающиеся страны сегодня делятся на две группы (рис. 14) – Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия, где коэффициент Джини составляет, как правило 40-

60%, с одной стороны, и Восточная и Южная Азия и Ближний и Средний Восток, где коэффициент Джини обычно находится на уровне ниже 40%, с другой.

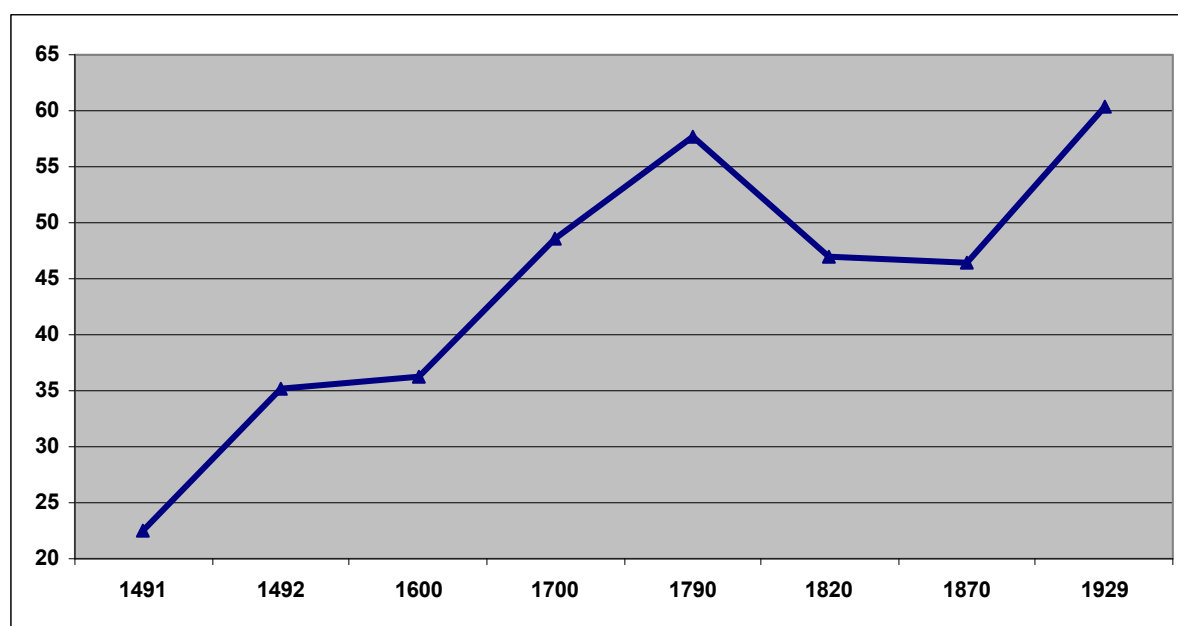
Рис. 14. Коэффициент Джини распределения доходов в развивающихся странах в 1800-2000гг. в %

Источник: Milanovic, Lindert, Williamson, 2008.

В первой группе стран рост коэффициента Джини, как и на Западе во время первоначального накопления капитала, был связан с разрушением традиционных институтов. По имеющимся оценкам (регрессии, связывающие коэффициент Джини с подушевым ВВП, плотностью населения, урбанизацией и колониальным статусом), колониализм увеличил коэффициент Джини на 13 процентных пунктов (Williamson, 2009). В Латинской Америке реконструированный на основе этих регрессий коэффициент Джини вырос с 22,5 % в 1491 г. до более 60% в 1929 г. (рис. 15). Напротив, Индия, Китай, Япония в 18-19 вв. имели относительно низкое доходное неравенство (рис. 14; Pomerantz, 2000; Saito, 2009)⁸. В целом в странах Ближнего и Среднего Востока, Восточной и Южной Азии неравенство, особенно до 90-х годов прошлого века, было существенно ниже (рис. 14).

Рис. 15. Реконструированный коэффициент Джини (неравенства в распределении доходов) в Латинской Америке в 1491-1929 гг. в %

И

Источник: Williamson, 2009.

⁸ В Японии коэффициент Джини повысился с 34% в 1860г., накануне революции Мейдзи, до 56% в 1940 г., но затем упал до 30-40% в 1960-90 гг. (Saito, 2009).

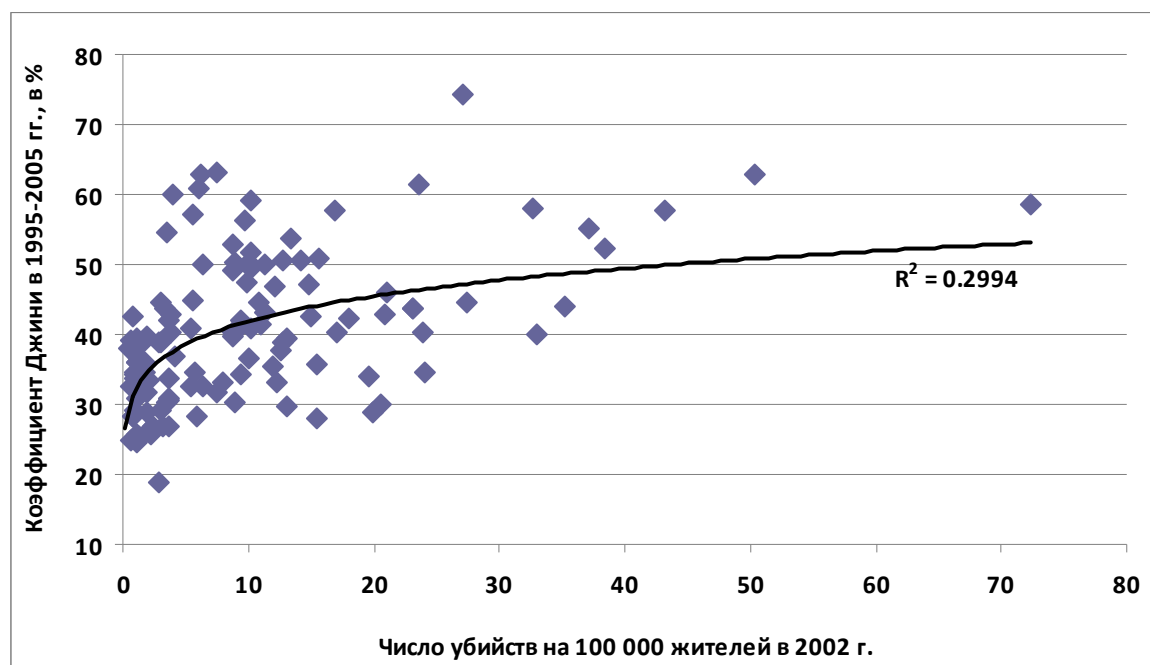
Даже и в Индии и Китае (последний стал полуколонией Запада после Опиумных войн середины 19 века) колониализм принес с собой рост неравенства и голодных смертей, так как до колониализма меньшее количество продовольствия распределялось более равномерно эгалитарными институтами. В Индии даже в первые 100 лет британского колониального господства число эпизодов массового голода превысило число таких случаев за предыдущие 2000 лет. По самым надежным имеющимся оценкам, во время голода 1876–78 гг. в Индии погибло 6-8 млн. человек, а «двойной голод» 1896–97 и 1899–1900 гг. унес жизни 17-20 миллионов, так что за последнюю четверть 19 века – период наивысшего расцвета британского колониального господства в Индии, от голода погибало по 1 миллиону человек в среднем в год (Chibber, 2005). В Китае в 1644-1795 гг. в среднем в год от голода погибало 8000 человек, в 1796-1871 гг. – 57 000, в 1871-1911 гг. – 325 000, в 1911-1947 гг., уже в период Республики, – 583 000. Только один голод 1876-79 гг. унес жизни 10 миллионов человек – вдвое больше, чем все случаи голода с 1644 г. (подсчеты Минфан Ся цитируемые в Pomerantz, 2006).

Неравенство же в распределении доходов, как известно, связано с подрывом качества институтов, если измерять это качество уровнем преступности (рис. 16) и долей теневой экономики.

Две страны – Россия и Китай – могут служить примером двух разных выходов из мальтузианской ловушки. Россия пошла по пути вестернизации, как минимум, со времен Петра I, с начала 18 века, а социалистический эксперимент (1917-91 гг.) с его коллективистскими институтами, низким неравенством и низкой преступностью был в значительной степени чуждым предыдущей логике институционального развития. В Китае же, напротив, кратковременная (100 лет) и безуспешная попытка вестернизации (со времени Опиумных войн до революции 1949 г.) закончилась возвращением на долговременную траекторию «азиатских ценностей» и коллективистских институтов.

Китайская революция 1949 г., конечно, была сродни российской Октябрьской революции 1917 г., как потому, что коммунисты пришли к власти, так и потому что они восстановили коллективистские институты, разрушенные предшествующей вестернизацией. Но что было преходящим эпизодом и отклонением от магистральной тенденции трансплантации западных институтов в России, то в Китае оказалось возвращением на траекторию долгосрочного институционального развития. Даже после рыночных реформ Ден Сяопина резко возросшее неравенство в распределении доходов в Китае все же не привело к такому драматическому подрыву эффективности институтов, как это наблюдалось в России (судя по данным о теневой экономике и убийствам).

Рис. 16. Неравенство в распределении доходов и число убийств на 100 000 жителей в 2002 г.

Источник: WHO, WDI.

Выводы

Западные страны преодолели мальтузианскую ловушку роста путем разрушения традиционных институтов (общины), что повлекло за собой рост неравенства, бедности и смертности, но также и рост доли сбережений и инвестиций в ВВП (за счет сокращения потребления) и ускорение экономического роста. Запад, таким образом, вырвался из мальтузианской ловушки не столько благодаря своей изобретательности, рожденной свободными университетами и правовыми гарантиями, сколько благодаря жестокости в переделе собственности, который позволил повысить норму сбережений, затрачивать больше средств на изобретения и реализовать эти изобретения «в металле» через возросшие инвестиции.

Когда эта западная модель была распространена на развивающиеся страны (через колониальный нажим «сверху» или добровольное подражание «снизу» (Африка южнее Сахары, Латинская Америка, Российская империя), она также привела к повышению нормы накопления, но и к росту неравенства и снижению качества институтов, что ухудшило стартовые позиции для экономического роста. Другие районы развивающегося мира, менее подверженные колониальному влиянию и лучше сохранившие традиционные институты (Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Южная Азия), имели низкую норму накопления и пребывали в мальтузианской ловушке до XX века, однако сумели избежать ослабления государственных институтов. Постепенное и очень медленное повышение ВВП на душу в результате технического прогресса в 16-19 веках позволило им найти другой выход из мальтузианской ловушки – повышение нормы накопления без роста неравенства, бедности и смертности и подрыва институтов.

Если такая интерпретация верна, то послевоенный экономический рост Восточной Азии, видимо, является поворотным моментом в мировой экономической истории. Не столько потому, что в Восточной Азии живет треть мирового населения, сколько потому, что догоняющее развитие впервые оказалось и оказывается успешным, и потому, что оно основано на принципиально иной, отличной от западной, экономической модели и выходе

из мальтузианской ловушки. Эта модель сохранения коллективных («азиатских») ценностей, относительно низкого неравенства и институциональной преемственности, обеспечивающей более высокое качество институтов.

В соответствии с изложенной схемой следующими крупными регионами, которые продемонстрируют успешное догоняющее развитие, будут страны Ближнего и Среднего Востока (Турция, Иран, Египет и др.) и Южной Азии (Индия), тогда как Латинская Америка, Африка южнее Сахары и Россия будут отставать.

Предсказания, конечно, всегда опасны, тем более, что прогнозы часто имеют идеологическую окраску. Многие сегодня склонны считать, что экономические чудеса будущего произойдут в демократических странах со свободным предпринимательством – Бразилии, Мексике, Турции, Индии. Однако, представим на минуту, что вопрос об будущих чемпионах роста обсуждается в 1960 г. – одни ставят на рыночные и демократические страны Латинской Америки, другие – на авторитарные (и даже коммунистические) государства Восточной Азии с сильным государственным вмешательством в экономику... Сегодня, полвека спустя, мы знаем, кто оказался прав.

Да и сама господствующая идеология, как известно, меняется со временем. В 70-е годы прошлого века экономический успех Японии объяснялся специфической структурой экономики, называемой тогда «Japan incorporated» — особыми отношениями между бизнесом и правительством (MITI), между банками и нефинансовыми компаниями (германо-японская кредитно-финансовая система) и между предпринимателями и рабочими (пожизненный наем). Во время стагнации 90-х годов и особенно после азиатского кризиса 1997 года, который не обошел и Японию, эти самые особые отношения стали рассматриваться как неотъемлемая характеристика «приятельского капитализма» (crony capitalism), виновного в застое и кризисе.

Точно так же и во время азиатского кризиса 1997г. США настаивали, чтобы азиатские страны не национализировали банки, не увеличивали госрасходов и не накачивали

денежную массу в обращение, хотя сами в ходе недавнего кризиса 2008-09 гг. вынуждены были прибегнуть именно к этим рецептам. «Делайте как мы говорим, а не так, как мы делаем» - так сегодня в США объясняют различие рекомендаций в отношении экономической политики внутри страны и «на экспорт».

Так или иначе, страны Юга страны волею судеб оказались на разных траекториях институционального развития, что предопределило различия их экономических моделей. Этот естественный эксперимент дает возможность сравнивать результаты – выгоды и издержки обеих моделей. А господствующая идеология в конце концов будет зависеть от исхода экономического соревнования между разными моделями догоняющего развития в странах Юга.

REFERENCES

Мельянцева, В. А. (2006). Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. - 1996 - Изд-во Московского университета

Полтерович В.М. (2001). Трансплантация экономических институтов // *Экономическая наука современной России*. 2001. № 3 [[PDF](#), 303 К] .

Acemoglu, Daron, James A. Robinson and Simon Johnson (2001). The Colonial Origins of Comparative Development: An Empirical Investigation. – *American Economic Review*, volume 91, pp. 1369–1401.

Brenner, Robert and Christopher Isett (2002). England's Divergence from China's Yangzi Delta: Property Relations, Microeconomics, and Patterns of Development. – *The Journal of Asian Studies*, Vol. 61, No. 2 (May, 2002), pp. 609-662.

Bryant, Joseph M. (2006). The West and the Rest Revisited: Debating Capitalist Origins, European Colonialism, and the Advent of Modernity. – *Canadian Journal of Sociology*/ 31(4) 2006.

Chibber, Vivek (2005). [“The Good Empire – Should we pick up where the British left off?”](#), *Boston Review*, February/March 2005.

Clark, Gregory (2007) “A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World”. Princeton and Oxford: Princeton University Press. September, 2007.

Diamond, Jared (1997). *Guns, Germs and Steel: The Fate of Human Societies*. New York, W.W. Norton, 1997.

Eisner, Manuel (2003). Long-Term Historical Trends in Violent Crime. - *Crime and Justice*, Vol. 30 (2003), pp 83-142.

Faye, Michael L., John W. McArthur, Jeffrey Sachs, and Thomas Snow (2004). "The Challenges Facing Landlocked Developing Countries," *Journal of Human Development*, Vol. 5, No. 1, March 2004.

Findlay, Ronald (2009). ‘The Trade-Development Nexus in Theory and History. UNU-WIDER Annual Lecture, October, 2009.

Findlay, Ronald, Kevin H. O’Rourke (2009). *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton University Press, 2009.

Galor, Oded (1998). Economic Growth in the Very Long-Run. - Prepared for the New Palgrave Dictionary of Economics - 2nd edition (S. Duraluf and L. Blume, eds.)

Galor, Oded, D. Weil (2000). Population, Technology, and Growth: From Malthusian Stagnation to the Demographic Transition and Beyond. – *American Economic Review*, 90(4):806-828, September, 2000.

Goldstone, Jack A. (2007). Unraveling the Mystery of Economic Growth. A review of Gregory Clark's "A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World". Princeton and Oxford: Princeton University Press. September, 2007. – *World Economics*, Vol. 8, No. 3, July–September 2007.

Landes, David (1998). *Wealth and Poverty of Nations. Why Are Some So Rich and Others So Poor?* New York, W.W. Norton, 1998.

Maddison, A. (1992). A Long Run Perspective in Savings. – *Scandinavian Journal of Economics*, June 1992.

Maddison, A. (2008). [Statistics on World Population, GDP and Per Capita GDP, 1-2006 AD](http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls) (http://www.ggdc.net/maddison/Historical_Statistics/horizontal-file_09-2008.xls)

Milanovic, Branko, Peter H. Lindert, Jeffrey G. Williamson (2008). Pre-Industrial Inequality: An Early Conjectural Map. Mimeo, August 23, 2007
(http://www.economics.harvard.edu/faculty/williamson/files/Pre-industrial_inequality.pdf)

Mokyr, Joel (2002). *The Gifts of Athena: Historical Origins of the Knowledge Economy*. Princeton: Princeton University Press, 2002.

Pomeranz, Kenneth (2000). *The Great divergence: Europe, China, and the making of the modern world economy*. Princeton, N.J., Princeton University Press.

Pomeranz, Kenneth (2006). Chinese Development in Long-Run Perspective. – *Proceedings of the American Philosophical Society*, Vol. 152, No. 1, March 2008.

Popov, V. (2009). [Why the West Became Rich before China and Why China Has Been Catching Up with the West since 1949: Another Explanation of the “Great Divergence” and “Great Convergence” Stories.](#) -NES/CEFIR Working paper # 132, October 2009.

Popov, V. (2011). [Developing New Measurements of State Institutional Capacity.](#) *PONARS Eurasia Policy Memo No. 158*, May 2011. *MPRA Paper 32389*, August 2011.

Rodrik, Dani (2004). Getting Institutions Right. *CESifo. Journal for Institutional Comparisons*. Vol. 2, No. 4, Summer 2004.

Rodrik, Dani, Arvind Subramanian and Francesco Trebbi (2002). [Institutions Rule: The Primacy of Institutions over Geography and Integration in Economic development.](#) October 2002 (<http://ksghome.harvard.edu/~drodrik.academic.ksg/institutionsrule,%205.0.pdf>).

Sachs, Jeffrey (2003). [Institutions Matter, but Not for Everything.](#) The role of geography and resource endowments in development shouldn't be underestimated. *Finance & Development*, June 2003, No. 38

Saito, Osamu (1996). Historical Demography: Achievements and Prospects. - *Population Studies*, Vol. 50, No. 3 (Nov., 1996), pp. 537-553.

Saito, O. (2006) “Pre-Transition Fertility in Asia: A Comparative-historical Approach” - *Journal of International Economic Studies*, 20, 2006, pp. 1-17.

Saito, O. (2009). Income Growth and Inequality Over the Very Long Run: England, India and Japan Compared. Paper presented at The First International Symposium of Comparative Research on Major Regional Powers in Eurasia. July 10, 2009.

Solow, Robert M. (2007). 'Survival of the Richest'? Review of "A Farewell to Alms: A Brief Economic History of the World" by Gregory Clark (Princeton University Press, 420 pp.) – *New York Review of Books*, Volume 54, Number 18, November 17, 2007.

Taylor, Alan M. (1996). International Capital Mobility in History: The Saving-Investment Relationship, NBER Working Paper, No. 5743

Turchin, Peter (2005). *War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations*. Pi Press, 2005.

WDI (various years). World Development Indicators, World Bank, various years

WHO (various years). WHO Health for All Database, various years.

Wen, Guanzhong James (2008). Why Was China Trapped in an Agrarian Society--An Economic Geographical Approach to the Needham Puzzle. Mimeo. Trinity College, Department of Economics.

Williamson, Jeffrey G. (2009). History Without Evidence: Latin American Inequality since 1491. Georg-August-Universität Göttingen. Discussion paper No. 3.

Wong, Roy Bin (1997). *China Transformed: Historical change and the limits of the European experience*. Ithaca: Cornell University Press, 1997.

Wringley, E. A. and R.S. Schofield (1981). *The Population History of England, 1541 – 1871. A Reconstruction*. – London, Edward Arnold, 1981.